

После некоторого времени привыкания тело и душа Си Рихонг полностью адаптировались к присутствию Тангву. Любуется луной, сверкающей, словно русалка, выходящая на берег, Рихонг глубоко вздохнула, и в сердце Тангву промелькнула странная тревога. Он вдруг ощутил легкую неохоту. Но вскоре это волнение было подавлено — Тангву не позволит себя отвлекать женщинам. Прошел месяц тщательного восстановления, и Рихонг не только обрела здоровье, её кожа стала розовато-белой, излучая здоровый блеск. Мышечные волокна, которые раньше были истощены, восстановились, а её фигура заметно округлилась. Жаль видеть, как кусок мастерски приготовленной еды выскальзывает из моих пальцев. Потрогав холодное лицо Рихонг, глядя в её сердитые и настороженные глаза, Тангву улыбнулся, расслабил уставшие брови и покинул комнату. — Ты хорошенько отдохни, — произнес он, направляясь к балкону, где, ощущая прохладу ночного ветра, закурил сигарету. В его глазах неистово сверкала магия Мангекия, острые злаки пронизывали ночной мир. Из тела Тангву поднималась неугасимая энергия, впитывающаяся в Мангекия. Границы, ставшие серыми от частого использования способности [Мира], понемногу теряли свою тусклость, восстанавливая глубину черноты. Количество шансов на переписывание увеличилось с двух до трёх. Клетки Древней могли не только питать Мангекия, но и восстанавливать зрение — его собственные клетки тоже. Ощущение покалывания возникло в двух парах Мангекия: приток силы не увеличивался, но качество явно улучшалось, словно в них шло закаливание. — Кровные наследственные способности представляют собой чакры, получающие повторные стимулы от ниндзя, как фрукты, выращенные в космосе и на земле, подвергаются улучшению в процессе развития. — размышлял он. — И те, кто не унаследовал кровную линию, являются очевидными примерами нестабильности, вроде семьи помельчённых... Возможно, гены матери не могут поддерживать это улучшение и не передадут его следующему поколению, как у Первого Хокаге и его Боевого Стиля. — По правде говоря, с силой клеток Первого Хокаге, матери было бы трудно выносить потомство. — Слишком высокие врождённые способности, и энергия для вынашивания будет истощать её тело. Тангву тихо бормотал себе под нос, обдумывая свои мысли, когда в своей голове появилась новая идея. — Аналогично, если квалификация в форме чакры слишком высока и требует больше питательных веществ, это может потянуть за собой потомков этой линии и вызвать болезни. — Это явление самоедства. — Тот же принцип действует и в случае с слепотой Мангекия: после повторных стимулов далеко не у всех хватит жизненной силы в своем теле. Это как всеядное животное, которое только и кормится растительной пищей — оно может поддерживать свою силу лишь на короткий срок, но затем его тело разрушится. — Слепота Мангекия — это признак повреждения и разрушения органов, и тело с генетической блокировкой второго порядка уже предоставляет достаточное количество питательных веществ. — Я эквивалент Сейджа. — А вот почему смена глаз может обеспечить отсутствие слепоты — это ещё одна загадка, над которой мне стоит поразмыслить. Тангву дотронулся до своих глаз, и беспокойство Мангекия постепенно исчезло. Сила зрачков снизилась на треть, но со временем снова восстанавливалась, а холодная и злая аура тоже улетучивалась. Когда Тангву ассимилировал семена чакры и запечатлел свою волю в ней, техника зрачков Мангекия изменилась вновь. Левый глаз [Шэнь Сун] не просто причинял боль душе, он также вмешивался в неё, позволяя модификации, разрыву, паразитам и т. д. Правый глаз [Мира] по-прежнему имел три акта, но теперь мог фиксировать не только свои действия, переписывать размеры одежды, местонахождение кунаев и даже расцвет цветка. — Интересно, почему люди из Акацуки не ищут меня? — задумался Тангву. Когда он сталкивался с преследующими его силами Конохи, он интуитивно ощущал недоброе око. Учига вновь явился с парой Мангекия — это были лучшие шашки, и у Обито не было причин его игнорировать. — Твоя техника зрачков Камуи — это снова пространство и время. Ты боишься, что я что-то сделаю? Тангву не понимал, в чем же дело. На самом деле, Обито давно подыскивал возможность заручиться поддержкой Тангву. Еще до того, как информация о Мангекия стала известна, когда другие начались предательствами, Обито чувствовал, что пришёл его час. Но после того, как он увидел Тангву в бою с Майт Гаем, он вдруг почувствовал тревогу. — Если это не повлияет на наш план, не

беспокойся о нём, — убеждал его Джуе, добавляя, что если бы не реинкарнация Индры, он бы заподозрил, что Тангву сам является реинкарнацией чакры Индры. Ироничное и равнодушное отношение, презрительное презрение к ниндзя из той же деревни, как будто мечом размахивали, показывая мерзкий холод. — Ты думаешь, что Риннеган может подавить его? — внезапно спросил Обито. — Зависит от конкретной ситуации, — дипломатично ответил Джуе, взглянув на Обито. — Ты все еще настаиваешь на том, чтобы завербовать его к Утра? — Это самый безопасный путь. Мне нужно держать его под контролем, — бурчал Обито, испытывая сильнейшее беспокойство. Перенесённые страдания, наблюдение за тем, как его друг убивает любимого — боль от этого сводила с ума. После долгих бессонных ночей ему наконец-то удалось увидеть свет. Но из-за внезапного появления кого-то всё это выглядело так, будто на него вылили ведро холодной воды, и все силы оставили его. — Он даже не делал никаких шагов, просто появился там, и нас наводняет тревога из-за его присутствия, — с иронией произнёс Обито. — А этот человек не имеет слабых мест, у него нет ни родных, ни друзей в Учиха, ничто его не привязывает. — — Чёрт, одного Шисуи было бы достаточно. Зачем же появляться более устрашающему существу?! — Чёрт! Чёрт! Чёрт! — Учиха Тангву, зачем вы существуете?! — Лучше бы не приходили с самого начала!! Чёрный и Белый Зецу молча наблюдали, как Обито изливает свои эмоции в пространстве Камуи. «Обито, так беден, так страдает». «У него действительно хрупкий разум. Видимо, среди созданных иллюзиями слишком много таких». Две мысли, одна от Белого Зецу и одна от Чёрного Зецу. ...Указ об аресте стремительно пробирался и вскоре достиг четырёх великих стран вне Страны Огня, вызвав множественные отклики в разведках службах Шиноуби. — Появление предателя — по сути, позор. Коноха не только не скрывает это, но и демонстративно излагает свои действия, хм... — тяжело вздохнул Четвёртый Райкаге Ай, бросив свёрток с информацией на пол. Охранник Даруи подобрал свёрток, вернул его на стол и тихо спросил: — И что же значит всё это для Конохи? — Всё очень просто, Коноха не в силах больше справиться с этим человеком, — усмехнулся Ай.